НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро Питер все еще продолжал прокручивать в памяти эту сцену, надеясь припомнить хоть какой-то признак того, что Джеймсон остался жив. Но все было напрасно. Он даже начал сомневаться, что действительно видел на лице редактора ужас, а не вообразил его в припадке самобичевания.

«А какая разница? Желал я ему дурного или нет – если он умрет, я и есть именно такой злодей, каким он выставлял меня все эти годы. Сам же говорил: если меня называют опасным для общества, я вполне могу стать опасным. Так оно и вышло – пусть всего лишь на несколько секунд».

Отчего-то в памяти вновь всплыл растоптанный научный проект. Ощущение крошек пенопласта на пальцах странным образом смешалось с другим – с ощущением лацканов плаща редактора в руках.

Двойной стук в дверь и поворот ручки заставили тревожно вскинуть голову.

– Эй, Пит!

«Гарри…»

Едва дверь начала отворяться, Питер вспомнил, что забыл снять штаны от паучьего костюма. Он дернул одеяло, укрываясь до пояса, так поспешно, что лежавшая на постели ручка перелетела через всю комнату и вонзилась в гипсокартон на стене.

Слышал ли Гарри стук ручки, Питер не знал. Хорошо, что хоть скрижаль была спрятана от посторонних глаз под грудой грязного белья.

К счастью, войдя, Гарри первым делом взглянул на Питера.

– Давненько тебя не видел, вот и решил заглянуть.

Подумав, будто друг намекает на то, что он увиливает от ответственности, Питер решил говорить прямо:

– Гарри, дружище, прости за просроченные счета…

Но кудрявый юноша успокаивающе поднял руки.

– Эй, не надо думать обо мне так! Заплатишь, когда сможешь. Какой смысл принадлежать к тем самым двум процентам общества, если не можешь даже дать послабление своему гениальному другу? Нет, просто зашел спросить: у тебя все в порядке?

«Да, верно. Нежелание быть халявщиком при Гарри – это, скорее, мое собственное. Сам-то он так вовсе не думает».

Гарри, богатый наследник, был первым, с кем Питер подружился в колледже. Остальные сторонились Гарри, считая его снобом, и только Питер прислушивался к его тревогам из-за странного поведения отца. Естественно, ни словом не обмолвившись о химическом составе, на время превращавшем Нормана Озборна в гнусного Зеленого Гоблина.

Гарри качнулся на пятках.

– Вчера я пытался сказать тебе «привет», но ты выглядел так, будто репетируешь роль зомби. А потом вообще пропал. Что стряслось? С твоей тетей все в порядке?

– Когда я навещал ее, она выглядела превосходно. – Питер нахмурился. – Ты слышал что-то другое? С ней все окей?

– Нет, нет. Просто предположение. А с Гвен у тебя как?

Гвен… Он ведь почти забыл об этой проблеме!

Видя его реакцию, Гарри кивнул.

– Ага, понял. Гляди, когда будешь готов рассказать, я рядом.

– Знаю, Гарри. Со мной все окей. Думаю, большая часть моей хандры – из-за простуды, от которой я стараюсь избавиться. Организм никак не может решить, лучше ему или хуже.

Притворный кашель прозвучал совершенно неправдоподобно даже для самого Питера. Конечно, Гарри не купился на его притворство, однако согласно кивнул и улыбнулся.

– Тогда выбери позицию и отстаивай ее! Либо лежи и болей, либо поднимайся, черт побери!

Понимая, что Гарри упомянул об отстаивании своей позиции совсем в другом смысле, чем Гвен, Питер слабо махнул ему рукой на прощание. Гарри закрыл за собой дверь, и Питер снова остался один. Снова…

«Отстаивать позицию… Постоять за свои убеждения… Когда я избегаю противостояний, меня называют трусом. А когда попробовал не избегать – отправил Джону в больницу. Насколько проще было без всех этих возможностей, когда я был вечной жертвой Флэша Томпсона! Тогда я хотя бы знал, что меня шпыняют ни за что».

Взгляд его наткнулся на цифровую камеру, лежавшую на письменном столе в паре футов от воткнувшейся в стену ручки. Вспомнив о том, как устанавливал камеру в Выставочном зале, Питер включил ее и принялся пролистывать кадры. При виде того, как он расправляется с бандитами и спасает Рэнди, настроение поднялось.

Немного, самую малость.

«Даже Джеймсон признал бы, что некоторые кадры просто превосходны. Но он сошел со сцены, и теперь их даже некому продать. Или есть кому?»

Появиться в «Бьюгл», кроме всего прочего, означало узнать последние новости о Джеймсоне. Питер сомневался, что готов к этому. Убедив себя, что рано или поздно он все равно узнает обо всем, он оделся и направился на угол Тридцать девятой и Второй авеню. Но когда древний лифт остановился на нужном этаже Бьюгл-билдинг, пришлось едва ли не выволакивать себя из кабины за шкирку.

План этажа – общее пространство, уставленное столами репортеров, окруженными кабинетами с внутренними окнами и старомодными остекленными дверями – не менялся многие годы. Придирчивый шеф-редактор «Бьюгл» был слишком скуп, чтобы менять хоть что-нибудь. Однажды Питер даже видел, как тот склеивает изолентой сломанную клавиатуру. Удивительно, но после этого она проработала еще полгода.

В некотором роде неизменная редакционная кутерьма была для Питера домом. Возможно, не слишком гостеприимным, но все же – домом. Теперь же здесь царила пугающая тишина.

«Неужели все настолько убиты горем? Или просто без воплей Джей-Джей-Джей все так и должно быть?»

Секретарша Джеймсона, Бетти Брант, была на месте, за столом у входа в его кабинет, и негромко разговаривала о чем-то со склонившимся к ней Недом Лидсом. Выражения их лиц были слишком нейтральны, и Питер не смог догадаться, о чем идет речь. Сглотнув, он подошел к ним.

– Я слышал, Джона в больнице. С ним…

Лидс поднял голову.

– С ним все хорошо.

Питер почувствовал невероятное облегчение.

Лидс продолжал:

– Когда Человек-Паук схватил Джону, у него, как сказали медики, проявилась «острая реакция на стресс», но это быстро прошло. Он все еще в больнице только из-за давления. Врачи уже много лет говорили, что ему нужен отпуск. Теперь они настаивают на постельном режиме. Через неделю вернется и снова будет ежеминутно орать на всех и каждого.

– Потрясающе!

Лидс изумленно поднял брови, и Питер понял, что это прозвучало слишком уж воодушевленно. Но прежде, чем он успел придумать достоверное объяснение, дверь с табличкой «Редактор отдела городских новостей» распахнулась, и Робби Робертсон махнул ему, приглашая войти.

– Питер, на два слова?

– Э-э… Да, конечно.

Закрыв за Питером дверь, Робби указал ему на кресло. Питер сел к столу, но Робби молча отвернулся к окну и сделал глоток из старой облупленной кофейной чашки.

Питер заговорил первым:

– И… каково это – быть за главного?

– Тишина… – Робби вздохнул. – Я уже забыл, что это такое. Но я хотел поговорить не об этом. Я знаю, ты познакомился с моим сыном. Как ни неприятно спрашивать об этом тебя, но со мной Рэнди почти не разговаривает, и я беспокоюсь. Конечно, он уже взрослый, и, не пойми меня неверно, я им горжусь. Но Кингпин едва не убил его, и с тех пор я уснуть не могу. Как объяснить ему, что в следующий раз ему может повезти куда меньше? И что перемены, к которым мы все стремимся, не наступят за одну ночь?

Редактор отдела городских новостей оперся на заваленный бумагами стол. Только сейчас Питер разобрал поблекшую надпись на его кружке: «Лучшему в мире папе».

– Э-э… мистер Робертсон, я с ним едва знаком, и к тому же представления не имею, что значит родиться и вырасти черным. Но, думаю, я понимаю, каково это – чувствовать, будто весь мир против тебя. Иногда это так бесит, что хочется все вокруг разнести вдребезги. Мой дядя, когда еще был жив, всегда старался успокоить меня – рассказывал, что помогает ему, что он считает

правильным. Я не всегда прислушивался к его словам – и до сих пор, черт побери, не всегда прислушиваюсь, вспоминая его. Но я всегда помню его слова. И не сомневаюсь, что такой отец, как вы, уж точно поможет Рэнди остепениться и направит его на верный путь.

Приятно удивленный, Робби задумчиво улыбнулся.

– Спасибо. Похоже, твой дядя бы мудрым человеком.

Откашлявшись, он сменил тему:

– Но, как я понимаю, ты пришел не просто поинтересоваться здоровьем Джоны. У тебя для меня что-то есть?

«Более удобного момента и пожелать нельзя!»

– Ну, вот у меня тут…

Робби принялся просматривать снимки. С каждым новым кадром глаза его распахивались шире и шире. Наконец он захохотал и хлопнул по кнопке интеркома:

– Бетти, соедини с печатным цехом!

– Значит, как? Неплохо получилось?

– «Неплохо»?! Все записи камер наблюдения в Выставочном зале были уничтожены, а эти кадры не оставляют ни тени сомнений: Человек-Паук пытался помешать ограблению! Появись ты раньше – мог бы избавить этого стенолаза от многих проблем.

«Представляю…»

Не желая пользоваться хорошим настроением Робби, Питер подумал о более-менее приемлемой цене. Но прежде, чем он успел ее назвать, глава отдела городских новостей раскрыл чековую книжку – такую пыльную, будто Джона не платил ни единому внештатнику со времен президента Клинтона – и взялся за перо. Закончив писать, он с треском вырвал из книжки чек и протянул его Питеру.

Питер моргнул, сощурился и снова моргнул.

– Что? Мало?

– «Мало»? Да я за несколько лет столько не заработаю! Джона отгрыз бы себе руку, но не подписал бы ничего подобного!

Робби отечески хмыкнул.

– Не жди, сынок, что так будет каждый раз, но снимки, что ты принес сегодня, удвоят нам тираж минимум на два дня.

– Нет, сэр! Есть, сэр! Благодарю вас, сэр!

Размахивая чеком над головой, Питер выбежал из кабинета и рассмеялся так громко, что Лидс и Бетти проводили его недоуменными взглядами.

– Я думал, он как-то уж слишком рад за Джону, – заметил Лидс, – но, может, он просто в

хорошем настроении.

– Да, – согласилась Бетти. – В кои-то веки он выглядит счастливым.

* * *

ДОМА, трижды перепроверив неоплаченные счета, Питер издал радостный вопль. Гонорара было достаточно не только на погашение всех долгов, но и на то, чтобы отправить тетю Мэй во Флориду, к морю и солнцу.

«Какой-то час назад я думал, что жизнь кончена. Надо же, как быстро все может измениться!»

Его взгляд упал на скрижаль.

«Ну, если не все, то кое-что. Не понимаю, отчего я решил, что знаю, как поступить с этой штукой, но разговор с Робби натолкнул меня на мысль о человеке, который вполне может это знать. Вот только Паучок все еще в розыске. Раз уж я взялся действовать разумно, нужно залечь на дно, пока мои снимки не опубликуют. Они помогут уладить дела с полицией».

День он провел за учебниками, пытаясь не отстать от соучеников и надеясь на телефонный звонок от одной светловолосой соученицы.

«Я бы и сам позвонил, но она так разозлилась…»

К концу дня его снимки наводнили Интернет. Не дождавшись ни звонка Гвен, ни официального признания Человека-Паука невиновным (а о снятии обвинений вообще объявляют официально?), он решил, что выждал достаточно. Облачившись в красно-синий костюм, он выбрался наружу, рассовал по почтовым ящикам преподавателей из ГУЭ просроченные домашние задания и направился к полицейскому участку. Несмотря на тишину, воцарившуюся возле участка с окончанием акции протеста, он устроился среди ветвей раскидистого вяза и принялся ждать.

Вскоре его терпение было вознаграждено: из участка вышел человек в плаще и взглянул в его сторону. Человек-Паук встревожился, решив, что его заметили, но, полюбовавшись редкими звездами в небе, человек водрузил поверх седых волос мягкую шляпу-федору и кивнул на прощание полицейскому, дежурившему у входа.

– Спокойной ночи, капитан Стейси, – сказал тот в ответ.

«Я доверяю отцу Гвен не меньше, чем всем остальным, но следует убедиться, что нас никто не услышит».

Стейси свернул на безлюдную улочку с двумя рядами деревьев, и Человек-Паук последовал за ним. Догнав его, он опустился ниже, повис перед ним вниз головой на нити паутины и протянул ему скрижаль.

– Я слышал, полиция ищет это.

Казалось, старый детектив, скорее, рад, чем удивлен.

– Человек-Паук?

– Как видите. Я уже чуть не свихнулся, стараясь уберечь эту штуку. У Кингпина повсюду свои люди, но я думаю, уж вы-то точно передадите ее в нужные руки.

Принимая камень, Стейси не сводил взгляда с Человека-Паука.

– Отчего же ты просто не пришел в полицию? Фото, опубликованные «Бьюгл», прояснили твою роль и сняли с тебя обвинения, но я хотел бы поговорить еще о нескольких вещах.

«Нет. Я даже не осмелюсь много говорить – он может узнать меня по голосу. Он слишком проницателен».

– Простите, капитан. Мое отношение к полиции далеко от сердечного.

– Ты прав. Пожалуй, это взаимно. Ну что ж, задержать тебя для допроса я не имею права…

– Благодарю.

Уносясь прочь, Питер мог бы поклясться, что кожей чувствует взгляд старого детектива, устремленный ему в спину.

* * *

НО за исчезновением Человека-Паука наблюдал не только капитан Стейси. Черный автомобиль, припаркованный на углу, казался пустым, однако в кабине, за рулем, сидел Махинатор.

Как только Человек-Паук скрылся, внимание Махинатора обратилось на того, кому была передана скрижаль. Стейси пошел пешком – прочь от полицейского участка. Это было вполне разумно. Капитан еще не подозревал, что некоторым из полицейских не стоит доверять, однако слишком медленная реакция некоторых патрулей на известие о побеге Фиска заставила его призадуматься. Махинатор же точно знал, что в участке имеется один платный агент Кингпина. Плюс двое агентов Маггии.

Махинатор знал многое.

Стейси пересек ближайшую авеню, и Махинатор завел двигатель. Объехав вокруг квартала, он вновь увидел капитана на другой стороне улицы и, держась в отдалении, последовал за ним. Наконец капитан свернул на улицу, застроенную таунхаусами, и вошел в один из домов.

«Он принес ее домой. Прекрасное место – если только никто больше не знает, что она здесь».

* * *

НА верхних этажах неоготического небоскреба Гэлби-билдинг, в шикарном кабинете, таком просторном, что здесь могла бы поместиться небольшая армия, Сильвио Манфреди поспешно придвинул к себе зазвонивший телефон. Узнав номер, он махнул рукой, приказывая всем выйти. Рядовые гангстеры повиновались немедля, но Цезарь Цицерон не спешил. Зажав ладонью наушник старомодной трубки, Манфреди гневно смотрел на него, пока Цицерон не понял, что его присутствию не рады.

– Если понадоблюсь, я рядом.

– Не понадобишься, – буркнул Сильвермэйн.

– Как угодно.

Как только дверь затворилась, он убрал ладонь с наушника и заговорил:

– Махинатор, Кингпина никто не видел с тех пор, как он сцепился с Человеком-Пауком. Скажи мне, что ты знаешь, где он.

– Не знаю. Но, возможно, у меня есть кое-что получше.

– Ничего лучше на свете быть не может, но считай, что я клюнул на приманку. Что это?

– Древняя скрижаль, за которой охотился Кингпин. Человек-Паук только что отдал ее капитану Стейси. Похоже, старый детектив больше не доверяет полицейскому участку – он отнес ее домой. Возможно, в эту минуту он уже звонит в ФБР, так что надолго она у него не задержится. Если она нужна тебе, поторопись.

– На что она мне? Орехи колоть? Такую известную штуку не сбыть. Или у тебя уже есть покупатель?

Презрительный вздох Махинатора немедленно испортил Манфреди настроение.

«Как только этот самовлюбленный кафоне[5] перестанет приносить пользу, он исчезнет, как многие до него».

– Дело не в деньгах, – объяснил Махинатор. – Совсем не в деньгах. Дело в Кингпине. Он похитил эту скрижаль, чтобы показать свою силу. Когда она окажется в ваших руках…

– Да, да. Понял. Это покажет, что мы сильнее.

Он дал отбой, но так и остался сидеть, прижимая трубку к уху и задумчиво глядя в прохладный полумрак пустого кабинета.

«Куда всех черти унесли? А, верно. Я же приказал им выйти».

– Цицерон!

Адвокат появился так быстро, словно стоял под дверью, прислонив ухо к замочной скважине.

– Ты читаешь новости культуры. Что можешь сказать о скрижали, похищенной Кингпином из ГУЭ?

Коротышка пожал плечами.

– Считается, что она хранит какую-то великую тайну. Ха! Грязь под моими ногтями тоже хранит немало великих тайн!

Сильвермэйн кивнул. Все это казалось напрасной тратой времени. Однако Махинатор до сих пор не подводил – возможно, у Фиска уже есть покупатель, раз он так интересуется этой штукой.

– Что за тайна? Какие-нибудь волшебные чары, от которых из задницы полетят единороги с крылышками?

– В том-то и штука. Этого не знает никто. До сих пор сумели перевести всего пару слов.

– Каких?

Вытащив телефон, Цицерон набрал запрос в Google и принялся просматривать результаты

поиска.

– Так, посмотрим. Кто знает… что-то там, тот пьет… чего-то там. И еще всякая чушь типа «перед этим, после того, прежде чем и затем». Вот и все. – Он захохотал. – Одно могу сказать: я бы сейчас с удовольствием чего-нибудь выпил.

Взгляд Сильвермэйна затуманился. Он вмиг вновь стал слабым перепуганным ребенком, прячущимся в темноте и слушающим песню, которую бабка пела вовсе не ему, а самой себе: «Кто правду знает, никогда не станет стар: он пьет и пьет чудесный юности нектар…».

– Майкла Марко ко мне. Живо!

* * *

СИДЯ за ноутбуком в уютной спальне над отцовским кабинетом, Гвен Стейси пыталась написать еще несколько строк очередной работы по биофизике. Сдавать ее нужно было только на будущей неделе, но она всегда предпочитала оставить себе время на перепроверку работ. Это очень помогало точнее выразить мысли – и заодно прочищало голову.

А голову прочистить было нужно.

В конце концов, это было лучше, чем таращиться на телефон и спорить с самой собой – звонить или не звонить Питеру. После ее вспышки он, как всегда, исчез, оставив ее чувствовать себя симпатичной, но одураченной ассистенткой циркового фокусника.

«Почему он не звонит сам? Вероятно, думает, что я еще злюсь. А я ведь злюсь, разве не так?»

Конечно, она злилась на него, но в какой-то момент злость смешалась с неотвязной смутной тревогой о близких, знакомой ей, дочери капитана полиции, с детства. Именно из-за этой тревоги она так радовалась каждый раз, когда Питер, наконец, появлялся после очередного исчезновения; именно она помогла Гвен осознать всю глубину ее чувств к нему, именно она заставляла прощать его снова и снова.

Отец был дома, ему ничто не угрожало, и все тревоги Гвен сосредоточились на пропавшем возлюбленном. По мере того, как злость отступала, тревога росла. Взглянув на телефон, Гвен попыталась убедить себя, что ее упрямство просто смешно. Почему бы ей не позвонить ему первой?

«Наверное, ходит где-нибудь, хандрит. Хандрит? Скорее, празднует».

Она видела его подпись под фоторепортажем о битве Человека-Паука с Кингпином. Возможно, это была вершина его карьеры. Почему он не позвонил, чтобы поделиться с ней этой новостью?

«Потому, что я назвала его трусом».

Как ни гордилась Гвен успехом Питера, его снимки привели ее в нешуточное замешательство. Он же пройдет сквозь огонь, чтобы получить хороший кадр – так почему же не способен постоять за настоящее дело? Почему не объяснит ей все это? Неужели боится, несмотря на все, что их связывает?

Кстати, а что именно их связывает?

Решившись сдаться, Гвен потянулась за телефоном, но тут раздался звон разбитого стекла и

глухой удар, от которого вздрогнул пол под ногами. Судя по звукам, кто-то вломился в окно отцовского кабинета. Схватив пистолет-шокер, всегда лежавший на тумбочке у кровати, она бросилась вниз, но, не добежав до дверей в кабинет, замерла. Без оглядки врываться внутрь не стоило: если это взломщики, она легко может превратиться из спасительницы в заложницу.

Пригнувшись, она подкралась к раздвижным дверям и прислушалась.

От громкого голоса отца стало немного спокойнее.

– На твоем месте я бы поспешил убраться. Даже если ты отключил сигнализацию. Уверен, соседи уже звонят в полицию.

Сообразив, что эти слова предназначены ей, Гвен коснулась нужной строчки на экране телефона, передавая в полицейский участок сигнал тревоги. Помощь должна была прийти через несколько минут, но за эти несколько минут могло случиться всякое. Придвинувшись ближе к дверям, она почувствовала бодрящую прохладу сквозняка. Из-за дверей дуло так сильно, будто грабитель не просто разбил стекло, а выломал раму целиком.

Двери были чуть приоткрыты. Сквозь узкую щель виднелся ковер, усыпанный щепками и осколками стекла. Подняв взгляд, Гвен увидела отца – мрачного, напряженного, но, к счастью, невредимого. Однако, учитывая габариты грабителя, трудно было сказать, надолго ли. Вначале Гвен решила, что это Кингпин, но голову преступника украшала роскошная шапка вьющихся черных волос, да и мускулы, едва не разрывавшие тесноватый костюм, выглядели куда внушительнее.

– Значит, соседи? Ладно. Объясню все по-быстрому.

Грабитель с пугающей легкостью поднял старенький бриджуотерский диван, памятный Гвен с самого детства – с тех пор, когда жива была мама.

– Не отдашь скрижаль, с тобой будет то же самое!

С этими словами грабитель разломил диван напополам.

– Я тебе уже сказал: ее здесь нет, – ровным тоном ответил отец.

– А я слышал другое.

Преступник шагнул к капитану Стейси. Гвен подняла шокер. Вряд ли его мощности хватит на такого великана, но Стейси без боя не сдаются. Она приготовилась ворваться в кабинет, но тут громила резко свернул к стене. Приподняв висевший на ней портрет Тедди Рузвельта, он увидел скрытую за портретом дверцу сейфа.

– Сейф за картинкой? Я колледжей не кончал – и то хватило ума догадаться.

Он был прав. Отец уже не раз говорил, что сейф нужно спрятать понадежнее, но так и не нашел на это времени.

– Код?

– Не дождешься.

– Да, да, храбрости тебе хватает, но мне код ни к чему. Просто не хотел, чтоб ты лишний раз тратился на ремонт.

Ухватившись за ручку на дверце, грабитель крякнул – и под громкий треск ломающихся бревен вырвал сейф из стены.

Несмотря на испуг, Гвен облегченно вздохнула. Грабитель получил то, за чем явился, и теперь ему было ни к чему причинять отцу вред. Но давние инстинкты заставили ветерана-полицейского кинуться к сейфу и схватить его. На миг оба замерли от удивления. Затем великан наотмашь хлестнул старика по щеке. От удара тот перелетел через весь кабинет, рухнул на обломки дивана и замер.

Забыв обо всем, Гвен бросилась к нему.

– Папа!!!

Снаружи донесся вой сирен. Грабитель взглянул на Гвен, на ее отца, повернулся к дыре в стене на месте выбитого окна, еще раз крякнул и прыгнул наружу.

Отшвырнув шокер, Гвен опустилась на колени перед отцом. Тихий стон подсказал ей, что отец жив, а его попытка подняться – что обошлось без переломов.

Но, судя по блуждавшему взгляду, отцу все же здорово досталось.

– Спокойно. Лежи. Помощь вот-вот придет.

Собравшись с силами, отец коснулся дрожащей рукой ее плеча.

– Со мной все в порядке, Гвен… просто дух перехватило. Обязательно сообщи им: здесь был Майкл Марко, он работает на Маггию. Кличка – Человек-Гора. Если здесь замешана Маггия, боюсь, мы в нешуточной беде. Я пока что прикрою глаза и отдышусь, но ты не волнуйся. Ты слишком часто волнуешься…

Гвен захотелось спросить: «Как же не волноваться?»

Но вместо этого она погладила его руку.

– Окей, пап. Окей.

http://tl.rulate.ru/book/25490/531830